

18+

ЗОЛОТО,

ПЕРИНА

И НОЧНАЯ

ЧЕРТОВЩИНА

ФЛОР
ВЕСКО

ПЕРЕВЕЛ ТИМОФЕЙ ПЕТУХОВ

Флор Веско

**Золото, перина и
ночная чертовщина**

«Самокат»

2021

Веско Ф.

Золото, перина и ночная чертовщина / Ф. Веско — «Самокат»,
2021

ISBN 978-5-00167-557-0

В провинциальном английском городке томятся барышни на выданье. Нежные создания: тонкие запястья, бледные лица, безупречные манеры. На их беду, замуж выходить там не за кого. И вот в соседнее поместье приезжает богатый наследник и объявляет, что ищет себе невесту. Но с одним условием: избранница должна пройти особое испытание, оставшись ночевать в его замке на кровати из дюжины матрасов... Флор Веско – автор романа «Мирелла» (2021), мастер языковой игры и стилизаций. На этот раз писательница скрещивает женские романы XIX века со сказками Перро и Андерсена и идет дальше – на территорию эротической литературы. Вас ждут взросление через исследование своего тела и обретение силы на сепарацию с призраками прошлого. Премия Sorcières 2022 года.

ISBN 978-5-00167-557-0

© Веско Ф., 2021

© Самокат, 2021

Содержание

Пролог	6
Длинные языки	7
Кость в горле	10
Длинные руки	12
Кивок головы	15
Поджатые губы и злые языки	20
С ног на голову	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Флор Веско

Золото, перина и ночная чертовщина

Flore Vesco

D'Or et d'Oreillers

Copyright © 2021, l'école des loisirs, Paris

This edition was published by arrangement with Curtis Brown UK and Van Lear Agency

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Самокат», 2023

Пролог

– Закройте, доченька, дверь, и сядем рядом. Вот так. Я вам расскажу одну историю. Вы уже подросли, теперь для нее самое время... С чего начать? Конечно же, с красивого юноши. Богатого, благородного, смелого... Высокого, разумеется. Лицо и стать оставляю на ваш вкус. Ведь он уже появился, не так ли? Не краснейте, мой птенчик! Мать такое всегда чувствует. И вот наш герой решил жениться. Но, чтобы не ошибиться в выборе подруги, придумал удивительное испытание. Все претендентки должны проспать ночь на постели из десяти сложенных друг на дружку тюфяков.

– Мама, я знаю эту сказку. Принц спрятал под самый нижний тюфяк горошину. А нежная девушка всю ночь не могла из-за нее глаз сомкнуть.

– Глупышка! Ничего-то вы не знаете. Неужели рассказы про горошину не кажутся вам невозможной нелепицей? И какую мораль извлечешь из подобного вздора? Почувствовать горошину через десяток тюфяков! Можно подумать, хорошей жене следует быть хрупкой до крайности и от малейших неудобств лишаться чувств! Лучше послушайте меня, душа моя. В сказках крупица правды скрыта под горами благоглупостей. А вот как было на самом деле. Мне рассказала об этом моя матушка. Он был не принцем, а наследным лордом. С имением возле Гринхеда, милях в ста пятидесяти отсюда.

– А горошина?

– Далась вам эта горошина! Думаете, раньше и правда были кареты-тыквы да волшебные бобы? А детишек находили то в розах, то в капусте? Не понимаю страсти отгораживаться от жизни овощами! Милая моя, сказка про горошину – супчик для маленьких девочек. Истинная история лорда и претенденток, проводивших ночь в его доме, – не для детских ушей. В ней – правда о любви и о том, как проводят ночи юные девицы и что они делают в своей постели, – правда, которую мы узнаём, став взрослее. Вот об этом-то я и собираюсь вам рассказать. Так что слушайте меня внимательно и не перебивайте больше.

Длинные языки

Миссис Уоткинс остановилась перед окном и со свойственной ей безапелляционностью вынесла три вердикта. Во-первых, вечером будет гроза. Во-вторых, тюльпаны в этом году взойдут поздно. В-третьих, очень скоро ей сообщат чрезвычайную новость.

В марте внезапные ливни случались в Гринхеде ежедневно. Тюльпаны в этом суровом краю всегда зацветали позже, чем на юге Англии. Что же до новости, то достаточно было взглянуть, с какой поспешностью преодолевает аллею соседка, миссис Баррет, чтобы заключить: это сведения чрезвычайной важности.

Почтенная миссис Баррет не торопилась никогда. Ее короткие ножки были не приспособлены для скорости. Да и куда спешить в тихой глубинке, где никогда ничего не происходит? После новогоднего бала, который городские власти устроили в честь прихода 1813 года, весь Гринхед вот уже два месяца пребывал в тяжелом и унылом оцепенении.

И вот миссис Баррет бежала к крыльцу Уоткинсов.

Миссис Уоткинс одернула юбку, поправила прическу, распорядилась приготовить чай, села и сделала глубокий вдох. Когда дворецкий доложил о миссис Баррет, она встретила ее с самой светской непринужденностью.

– Линда! Какой приятный сюрприз! – сказала она, вдохнув в эти три слова и удивление, и воодушевление сразу.

– Моя дорогая! – проговорила в ответ миссис Баррет, ничего в слова не вдыхая, поскольку еще не перевела дух.

Миссис Уоткинс разлила чай, предложив гостье печенье и подобающий чаепитию неприятный разговор. Она бы мигом разделалась с чаем и положенными к нему банальностями, но из приличия отпустила пару замечаний про сваренный кухаркой джем, про то, как камелии оживляют зимой клумбы, и про давно минувший новогодний бал.

Наконец миссис Баррет отодвинула чашку, вздохнула и, похоже, готова была раскрыть карты. Миссис Уоткинс подалась вперед. Она даже несколько напряглась, что было сродни подвигу при общей ее рыхлости. Начес из волос стремился упасть, губы обвисли, шея пошла складками, плечи покато опустились, живот расплывался – и лишь стальная воля миссис Уоткинс удерживала всю эту дряблую плоть вместе. Воля, направляемая единственной целью: удачно выдать замуж трех дочерей.

Кудри миссис Баррет подрагивали под чепцом – так не терпелось ей поделиться новостью.

– Печенье изумительное, – заметила она. – Передайте кухарке мои комплименты.

Миссис Уоткинс, сидевшая как на углях, поблагодарила.

– Ах да, я чуть не забыла! Вы ведь, конечно, слышали новость? – прибавила миссис Баррет.

Миссис Уоткинс нетерпеливо покачала головой. Даже дворецкий, стоявший в углу гостиной, повернулся к господам ухом.

– Неужели? Так вы правда ничего не знаете?

Еще миг, и миссис Уоткинс взорвется. На ее счастье, миссис Баррет не могла больше удерживать рвущееся из нее невероятное откровение.

– Ходят слухи, сын лорда Хендерсона ищет невесту! – выпалила она.

– Что-что?

Миссис Уоткинс чуть не выронила чашку. Новость была из тех, что переворачивают весь привычный мир, и она еще раз и еще раз повторила «что-что?» под удовлетворенным взглядом миссис Баррет.

– Мне казалось, замок Бленкинсоп заброшен! – выговорила она наконец. – Владения вокруг него в запустении! Сын? Да-да, у него действительно был сын! Сколько же лет прошло... Я думала, он уехал в Лондон, к своему двоюродному деду... Или в колонии... разве кто его вспомнит? Как давно это было!

Речь миссис Уоткинс утратила должную стройность. Миссис Баррет, пережив схожее потрясение несколькими минутами ранее, энергично соглашалась.

– Замок Бленкинсоп! Я не была там с самой их свадьбы... – продолжала миссис Уоткинс. – Вы ведь помните?

– Помилуйте, дорогая! Как такое забыть?

Свадьба праздновалась четверть века тому назад. Герцог Хендерсон женился на леди Статтер. Он – наследник древнего рода, а она, сиротка, – с баснословным состоянием. Торжество прошло с невиданным блеском. Чета обосновалась в замке Бленкинсоп, и в обширных владениях герцога, простирающихся до самого леса, забурилась жизнь: балы сменялись фейерверками, театральные представления – охотой, чайные вечеринки – конными и лодочными прогулками.

Но, увы, счастье длилось недолго. Юная супруга почилла через три-четыре года после рождения сына. Герцог перестал принимать. Затем вдруг стало известно о его кончине, и ворота замка Бленкинсоп закрылись навсегда.

Долгие годы несчастье Хендерсонов служило темой для разговоров. Все сожалели о развлечениях, ушедших вместе с ними. С наслаждением предавались сочувствию молодым супругам, которым уготовано было столько счастья, сетовали на жестокость судьбы. Любили потолковать и о ребенке – сироте, которого никто никогда не видел, наследнике, перенесшем столь роковой удар.

Но время шло, и Хендерсоны исчезли из разговоров. Салонные беседы потребовали новых блюд. Минули годы. Пастбища, фермы и мельницы пришли в запустение. Парк вокруг усадьбы так зарос ежевикой, что даже браконьеры перестали ходить через него в Большой лес. Герцогские владения защищали теперь непролазные заросли. И вот, неожиданно-негаданно, по эту сторону их стен, прогремела весть о чуде. И не о спящей красавице со всей ее челядью, а о богатом женихе, что гораздо лучше.

Миссис Уоткинс прикинула, что ему должно быть не больше двадцати. Наверняка красавец и ладно сложен. А если нет – что за беда, коль скоро он наследник состояния, величину которого она боялась себе даже представить! И он – здесь, совсем рядом, в считанных милях от ее усадьбы! Миссис Уоткинс дрожала от возбуждения.

– Говорят, юный лорд Хендерсон получает больше восьмидесяти тысяч фунтов стерлингов ренты, – проговорила миссис Баррет на одном дыхании: столь неслыханной была эта сумма.

И миссис Уоткинс опрокинула чашку.

* * *

У Уоткинсов не было недостатка в прислуге. И потому любая новость за считанные секунды облетала весь дом. Миссис Баррет только звонила в дверь, а в кухне уже шептались, что госпожа интересуется новым женихом. Чай еще не был разлит по чашкам, а все слуги уже знали его имя.

Садима, горничная дочерей Уоткинс, побежала сообщить им новость.

– Он богат? – спросила старшая.

– Он красив? – спросила средняя.

– Добрый ли он? – спросила младшая.

Ответ был известен лишь на первый вопрос, но после него два других отпадали сами собой. С доходом в восемьдесят тысяч фунтов лорд Хендерсон мог позволить себе быть кос-

матым горбуном в прыщах с головы до пяток, дурно пахнуть и мучить котят: все равно все девушки Гринхеда мечтали бы выйти за него замуж.

Дочерей четы Уоткинс звали Маргарет, Мэри и Мэй. Отдадим должное непоколебимой последовательности их матери, которая, родись у нее сыновья, назвала бы их Джонатан, Джон и Джо. Но Богу было угодно подарить ей трех дочерей. После рождения третьей она сообщила мужу, что детей у нее больше не будет. Если бы родилась четвертая, то из верности принципам ее пришлось бы назвать Мэ или М', а это уж никуда не годится.

На сообщение о доходах молодого лорда юные леди Уоткинс откликнулись каждая по-своему: Маргарет упала в обморок, Мэри бросило в смертельный жар, едва ее не погубивший, а Мэй прижала руку к груди, чтобы сдержать биение взволнованного сердца.

Все три девушки из благородного английского семейства были необыкновенно нежными созданиями. Миссис Уоткинс могла гордиться своими хрупкими творениями с легкими светлыми волосами и тонкой костью, экономно прикрытой плотью. Она следила за узостью их талий и приучила говорить тихими голосками, будто с трудом протиснувшись наружу. Девушки сродни поклаже: чем меньше занимают места, тем проще их пристроить.

Маргарет, будучи старшей сестрой, делала все от нее зависящее, чтобы как можно скорее выйти замуж. Она сидела только на подушках, носила самые дорогие материи – иных ее чувствительная кожа не терпела. Вино пила из хрусталя, а чай – из тончайшего фарфора, рискуя порезать им нежные губы. При этом тверда была, как скала.

Мэри, средняя сестра, усердно соблюдала те же заповеди. Она верила, что наделена актерским талантом, и охотно лишалась чувств от красоты видов. Однако в возбуждении могла порой взбежать по лестнице, а проголодавшись – с аппетитом наброситься на еду.

Мэй, младшая, была в самом деле слабого здоровья. В детстве часто болела, так что, можно сказать, росла больше в детской, а не в саду. Она стала робкой девушкой, но с теми, кому удавалось ее приручить, вела себя мило и не без кокетства кошечки, любящей лакомства.

Старшие сестры завидовали ее прозрачной коже, на которой от малейшего давления оставался след. А запястье! Оно было до того тонким, что Маргарет могла обхватить его двумя пальцами. И тогда забавы ради она сжимала его посильнее, проверяя, выдержит ли хрупкая кость ее хватку. Мэй, по своей доброте и мягкости, не сопротивлялась.

Что ни день сестры Уоткинс соревновались по части недомоганий: то у одной начнется мигрень, то другую измучает слишком яркий солнечный свет. Стоило младшей уколоться булавкой, как весь дом сотрясается от страданий. Садима бежала на помощь в любое время дня и ночи – с нюхательной солью, платками и мятным ликером.

Тем временем миссис Уоткинс в гостинной наконец пришла в себя. Восемьдесят тысяч фунтов стерлингов!

Мистер Уоткинс, глава семейства, знал толк в делах. Маргарет принесет в будущую семью более чем солидное приданое: земли, весьма недурную ренту и даже небольшую плантацию в Индии. Так что родители могли позволить себе отказаться от женихов с доходом ниже десяти тысяч фунтов. Миссис Уоткинс часто мечтала выдать свою старшую за мужчину тысяч в двадцать. Однако подобной партии в их окружении ни разу не появлялось. И потому объявившийся по соседству холостяк с восьмьюдесятью тысячами фунтов стерлингов дохода был воистину чудесным открытием.

У миссис Баррет, соседки, была всего одна дочь на выданье. Звали ее Виолеттой, и приданое у нее было еще завиднее, чем у сестер Уоткинс. К счастью, у нее один глаз был меньше другого. Так что миссис Уоткинс даже не стала волноваться и, не считая ее конкуренткой, принялась расставлять фигуры, продумывая, как бы одной из ее дочерей выиграть главную партию десятилетия.

Кость в горле

Последующие недели прошли в ожидании, когда же таинственный лорд Хендерсон наконец объявится. Все ждали письма с приглашением. Отправляясь в город, матери с дочерьми украдкой поглядывали по сторонам, ища среди примелькавшихся фигур местных обитателей незнакомца.

Ожидание не было праздным. Девушки трудились над прическами, измеряли талии, экзаменовали гардероб, полировали манеры. Мистер и миссис Уоткинс долго обсуждали, стоит ли выводить в свет Мэй, их младшую. Ей только исполнилось семнадцать, и в обществе она еще не появлялась. Слишком была юна. А главное, старшие сестры еще не замужем. Девушек вводили в игру в порядке старшинства. Так было выгоднее всего. Если выложить карты на стол разом, выставив напоказ все свое потомство, женихи будут смотреть лишь на самых свеженьких и на старшую никогда не найдешь желающих.

Однако на этот раз ставка была так высока, что миссис Уоткинс считала нужным увеличить шансы. Так что Мэй волей-неволей предстояло выйти в свет. А значит, ее нужно было срочно приготовить: промыть мозги, наspiговать, обезжирить, сформовать, подзолотить, приправить, украсить и подать в лучшем виде. Мать сбивалась с ног, не щадя себя. Старшие сестры душили в себе ревность: берегли цвет лица.

Все готовились, а лорд по-прежнему сидел в своей норе.

Тогда терпению миссис Уоткинс пришел конец и она пригласила миссис Баррет с дочерью на чай, надеясь выведать какие-нибудь новости. А если не выведать, то хотя бы убедиться, что у юной Виолетты глаза по-прежнему не на месте. Ей нужно было как-то себя подбодрить.

Барреты пришли в назначенный час. Чай подавали в будуаре, без церемоний: они знали друг друга с детства.

Сразу же осведомляться о партии в восемьдесят тысяч фунтов было неловко. Поэтому миссис Уоткинс пришлось сперва похвалить брошь Виолетты, потом похвалиться, как славно Мэй вышивает крестиком, – словом, побродить окольными тропами праздной беседы.

Наконец, искусно вывернув разговор, миссис Уоткинс удалось упомянуть замок Бленкинсоп.

Виолетта неловко звякнула чашкой о блюде. Рука ее задрожала. Миссис Уоткинс заметила, что миссис Баррет вся покраснела, брови ее сдвинулись, грудь затрепетала от сдерживаемого гнева.

– Не говорите мне больше о лорде Хендерсоне... Боже! Я никогда не представлю ему свою дочь! – воскликнула она.

– Но, Линда, отчего же?

– Поверьте, дорогая... Вы должны пообещать мне, что ваши дочери никогда не приблизятся к замку Бленкинсоп. Ох, знали бы вы, что рассказывают!.. А рассказывают... рассказывают...

Миссис Баррет подыскивала слова, уместные в присутствии четырех невинных девиц на выданье. Она наклонилась к миссис Уоткинс и прошептала:

– Меня ввели в заблуждение. Да, лорд Хендерсон действительно сообщил, что ищет супругу. И принимает юных претенденток у себя. Но... но...

Миссис Баррет не хватало воздуха. Она продолжила еще тише:

– Он требует, чтобы они являлись без родителей и без компаньонов, под вечер, и... чтобы проводили ночь в его замке!

Возглас негодования вырвался разом из уст всех присутствующих. Миссис Уоткинс прижала ладонь к губам, глаза у нее округлились от ужаса. Маргарет приготовилась падать в обморок. Миссис Баррет, сбросив томивший ее груз, не удержалась и прибавила:

– Знали бы вы, какие ходят о нем слухи! Ох, и пересказать не могу, сами понимаете.

И поверх целомудренных светловолосых головок она послала миссис Уоткинс многозначительный взгляд, давая понять размах приписываемых юному лорду извращений.

Миссис Уоткинс тут же с изяществом переменила тему. Остаток вечера прошел в обсуждении лучших цветочных композиций для тенистых клумб.

Перед сном, наедине с мужем в спальне, миссис Уоткинс пересказала ему разговор с миссис Баррет. Мистер Уоткинс был простой добропорядочный человек. Он успешно управлял доставшимся ему хозяйством. И если уставал от писка живущих под его крышей четырех женщин, выезжал на охоту.

– Нынче у молодежи самые нелепые взгляды на брак, – сказал он. – Одна мысль, что для женитьбы довольно их собственной воли, чего стоит! Почему не доверить это дело родителям? Два зрелых человека с жизненным опытом, разбирающиеся в экономике домашнего хозяйства и поднаторевшие в совместной жизни за долгие годы, куда лучше смогут устроить брачный союз. Но этот юноша потерял и отца, и мать. Вот он и заплутал, ступил на кривую дорожку. Да поможет ему Господь! Нам следует избегать его и жалеть.

Миссис Уоткинс кивнула. В глубине души она была ужасно разочарована. Сон к ней никак не шел. Поворочавшись с боку на бок, она в конце концов встала.

Была глубокая ночь. Прислуга спала. Миссис Уоткинс бродила по пустым коридорам.

И вдруг мимо мелькнула тень. Она вскрикнула. Привидение почтительно наклонило голову, как поступали при встрече с хозяйкой все слуги. Лунный луч осветил лицо горничной.

– Садима! Что вы делаете здесь в такой час?

– Ничего, госпожа.

– Как это «ничего, госпожа»? Никто не выходит гулять среди ночи! Это неприлично.

– Да, госпожа.

Миссис Уоткинс живо отослала горничную назад на чердак, решив впредь следить за ней повнимательней. Прислуга, а особенно девушки, разучилась вести себя как подобает. Бог знает, с кем намеревалась провести ночь эта девица! Счастье, что миссис Уоткинс вовремя ее заметила.

Эти мысли вернули ее к щекотливому вопросу о юном распутнике лорде. Как юноша из столь знатного семейства мог погрязнуть в постыдном разврате? А с другой стороны, что в этом удивительного? С подобным состоянием можно позволить себе все что угодно. У лорда Хендерсона хватит средств отмыть любую репутацию. Никто не станет о нем злословить, едва он начнет задавать роскошные приемы!

Ноги привели ее к спальне дочерей. Она приоткрыла дверь, подошла к кровати младшенькой. Мэй мирно спала. Миссис Уоткинс смотрела на ее округлое, совсем еще детское личико. Охваченная материнской нежностью, она вспомнила, сколько бессонных ночей провела у ее колыбели. Даже сейчас, когда Мэй выросла, она каждый вечер склонялась над постелью младшей дочери, прислушиваясь, как она дышит.

Да, чем больше размышляла миссис Уотсон над щекотливым делом, тем яснее понимала: задача состоит в том, чтобы свести лорда с ее дочерьми, избежав сплетен. Он требует, чтобы они провели у него ночь? Ну и пусть! Если никто об этом не узнает и он впоследствии женится на той, что больше ему подойдет, вероятно, игра стоит свеч...

И мать погладила по голове спящую дочь, раздумывая, как бы половчее подсунуть ее в постель к богатому незнакомцу.

Длинные руки

– Маргмэримэй!

Маргарет, Мэри и Мэй прибежали на зов. Столь неожиданное морфологическое новаторство матери выдавало ее крайнее возбуждение.

– Выезжаем! – объявила она.

– Но ведь дождь идет, – заметила Маргарет.

– Да-да! Как из ведра! – подтвердила миссис Уоткинс с видимым удовольствием.

Ливни не прекращались третий день. Миссис Уоткинс следила в окно за небом, вынашивая свой план. Все было готово.

Она запихнула всех трех дочерей в берлину. Прижавшись друг к другу, сестры уже ежились от холода и сырости. Следом на сиденье напротив примостилась Садима, понукаемая миссис Уоткинс. Сестры поняли, что едут они не в город за покупками. В магазины горничных с собой не берут. Миссис Уоткинс что-то шепнула кучеру. И экипаж тронулся под грохот дождя.

Ехали долго. Сестры сидели молча, держа вопросы при себе.

И вот показался замок Бленкинсоп. Дорога бежала через непаханные земли к Большому лесу. На французский парк это походило мало, но добраться до замка было возможно.

Однако дождь три дня полоскал колеи, и дорога коварно раскисла. От лошадей, изнуренных хлещущим ливнем и липкой грязью, шел пар. Одна из них увязла в торфе всерьез. Берлина тоже накрепко засела задним колесом – из грязи едва виднелась его верхушка. Не сдвинуться ни на дюйм.

Миссис Уоткинс торжествовала. Она так и приказала кучеру: застрять в грязи как можно глубже и как можно ближе к замку.

С решимостью матери, готовой на все ради счастья дочерей, она выставила их под потоп. Девушки пересекли налитую водой лужайку, барахтаясь в жиже и борясь со шквальным ветром, срывающим шляпки и задиравшим юбки.

Промокшая и всклокоченная делегация добралась до ворот замка Бленкинсоп. За полосатой стеной дождя усадьбы почти не было видно: только мрачный фасад без единого горящего окна. Казалось, замок заброшен.

Однако стоило миссис Уоткинс постучать, как тяжелая дубовая дверь отворилась. Мэй отступила на шаг. Бушевавшая снаружи ледяная буря вдруг показалась ей не такой холодной, как этот опустелый замок. Миссис Уоткинс протолкнула девушек внутрь.

Перед ними стоял старый дворецкий с подсвечником в руке. Маргарет огляделась по сторонам, чтобы не пропустить появление лорда Хендерсона и вовремя лишиться чувств в изнеможении от борьбы с разбушевавшимися стихиями. Мэри поглядывала на сестру краем глаза, готовясь украсть ее роль и занемочь прежде. Мэй дрожала, едва держась на ногах. Губы у нее посинели. Садима поддерживала ее, приобняв за талию. Счастливая миссис Уоткинс объяснила дворецкому, в какое они попали положение.

Он пригласил их отдохнуть и обогреться. Хозяин примет их позже, когда они оправятся после дороги. Гости проследовали за дворецким. По пути он зажигал канделябры, и те постепенно озаряли большой холл, а затем и второй этаж. Миссис Уоткинс затаила дыхание.

На чем бы ни останавливались их глаза, они неизменно округлялись. Пол – плитка с удивительной многоцветной росписью, при виде которой средневековые миниатюристы побледнели бы от зависти. Стены – искусной резьбы деревянные панели, драпировки и расшитые золотом гобелены. Мы не станем описывать старинную благородную мебель, картины великих мастеров, мраморные статуи, хрустальные безделушки, иначе конца этому не будет.

Когда дворецкий остановился перед комнатами для гостей, округлившиеся глаза и рты девушек напоминали нить огромных жемчужин. Миссис Уоткинс дрожала от волнения при мысли, что все это богатство может достаться одной из дочерей.

Оставшись одни, сестры тут же зашебетали: «Вы заметили люстру с бриллиантами?», «Боже, с меня ручьем течет!», «Панели на стенах так отполированы, что я видела себя, как в зеркале!», «Мое платье вконец испорчено, как быть?», «Дверные ручки-то из чистого золота!», «Какой красный у меня нос! Хорошо, что Он меня не видит!».

Последние слова принадлежали Маргарет, и все отчетливо расслышали в местоимении заглавную «О». Мысли сестер Уоткинс перенеслись с роскошного убранства замка на его молодого владельца, напомнив о крайней необходимости привести себя к ужину в подобающий вид.

По счастью, миссис Уоткинс все предусмотрела, взяв в экспедицию горничную и туалетный несессер.

– Садима, причеши меня! Подай мне туфли! Ах, и где мои кудри?

Садима усердно хлопотала: выжимала чулки, окутывала облаками пудры покрасневшие щеки, взбивала челки – и действовала с такой сноровкой, что очень скоро исправила урон, нанесенный трем юным девицам дождем и грязевыми ваннами. Но ее подвиги, каким позавидовали бы лучшие фокусники, не впечатляли сестер, и они бранили горничную без устали. Сестры чувствовали: этим вечером на кону их счастливая будущность. Садима ловко соорудила Маргарет высокую прическу, а та торопила ее:

– Скорее, Садима, ну же! Мне еще все лицо переделывать.

– Слушаю, мисс.

Руки горничной замелькали еще быстрее, не отказав себе, впрочем, в удовольствии вырвать у старшей прядку волос. Садима знала, как той важно понравиться лорду – жаловаться она не станет. Маргарет решительно смахнула наворачнувшиеся слезы. Она была готова на любую пытку, лишь бы выглядеть обольстительно.

В дверь комнаты постучали. Все замерли: Садима – с занесенной рукой и полным ртом шпилек, миссис Уоткинс – поправляя Мэй пояс, Мэри – завязывая ленту. Вошел дворецкий и поставил на круглый столик поднос. По комнате разнесся аромат чая с пряностями. Он вышел и вернулся с длинным дорожным сундуком, поставил его стоймя и распахнул, как распахивают дверцы шкафа. Показались три платья на плечиках и ящички, полные разных мелочей и украшений.

Едва дверь закрылась, Мэри выскочила из своей юбки, которую Садима сумела оттереть до прежнего блеска. Девушки бросились к платьям: щупать муслин и газ, вышитые шелковые вставки, перебирать дрожащими пальцами драгоценные камни. Они принялись переодеваться, смеясь от возбуждения, в восторге от такого невероятного приключения. И порой косились друг на друга, боясь уступить сестрам в красоте.

Миссис Уоткинс хранила спокойствие. Она отправила кучера заниматься каретой и стала присматривать за косметическим ремонтом дочерей. Довольная результатом, она оставила их наводить последние штрихи, а сама спустилась в холл. Из него пошла наугад по одному из коридоров. Если кого-то встретит, скажет, что заблудилась. Миссис Уоткинс надеялась раздобыть полезные сведения о молодом лорде, разгадать его вкусы, интересы и сообщить о них дочерям, а уж они сумеют искусно употребить эти знания за ужином.

В коридоре ни души. Однако в столовой все было уже накрыто. Чьи незаметные руки успели расставить фарфор и разложить приборы? Миссис Уоткинс усмотрела в этом верх изысканности: прислуга у лорда Хендерсона настолько хороша, что умеет исчезнуть.

Возвращаясь через холл в гостевое крыло, миссис Уоткинс услышала, что во входную дверь постучали. Она была уже на лестнице, но остановилась и чуть пригнулась, чтобы увидеть вошедших.

Миссис Уоткинс хранила невозмутимость в любых обстоятельствах, но тут от возмущения она чуть не помянула черта. На пороге стояла Виолетта, дочь миссис Баррет.

С бедняжки текло ручьями. Подол юбки набух от пудового слоя грязи. Она шла пешком через лес.

В замок Бленкинсоп вели два пути. Узкая тропинка лесом годилась только для пешех. Она была короткой, но опасной и грязной. А дорога для экипажей, по которой ехали Уоткинсы, огибала лес с рекой и все имение, так что добираться в карете было дольше, хотя и удобнее.

Прежде чем мисс Баррет успела хоть слово сказать дворецкому, миссис Уоткинс выступила вперед.

– Виолетта! Вы – здесь?! – воскликнула она самым возмущенным тоном.

Девушка покраснела и поклонилась миссис Уоткинс.

– Добрый вечер, мадам. Моя мать попросила меня...

– Ну-ну-ну, ни слова больше. Я сразу все поняла. Представьте себе, я ведь тоже была когда-то юной! Вы прибежали сюда без ведома родителей!

– Ах, мадам, вовсе нет! Уверю вас, это мама настояла, чтобы...

– Не лгите! Я вижу вас насквозь! Что скажет моя дражайшая любезная подруга, узнай она, что я встретила вас в этом гибельном месте и ничего не сделала, чтобы спасти честь ее единственной дочери? Нет, я не могу бросить вас на произвол судьбы из-за вашей минутной блажи. Пойдемте! Я провожу вас домой.

– Но, миссис Уоткинс, я...

Миссис Уоткинс властно взяла девушку под руку и громко позвала кучера. Он как раз вытащил из грязи лошадей и карету.

– Вот видите, берлина готова! Какая удача! Я сейчас отвезу вас к матушке.

Миссис Уоткинс действовала так решительно, что юная мисс Баррет перестала ей возражать. Она бы ни за что не посмела устроить сцену. И даже не осмелилась спросить у миссис Уоткинс, что сама она делает у лорда Хендерсона. Мисс Баррет позволила отвести себя к карете. Ох, ее матушка совсем не будет рада такому раннему возвращению дочери, в этом Виолетта не сомневалась! Однако всегда можно будет прийти сюда в другой день. В глубине души она радовалась предлогу вскоре оказаться дома, в безопасности. Ей больше не грозит пугавшее ее испытание, на которое она согласилась лишь из покорности родительской воле. Так что в берлину она уселась с облегчением. И, взглянув напоследок на хмурый фасад замка, была уверена, что спаслась от таинственной угрозы.

Прежде чем дать распоряжения кучеру, миссис Уоткинс спешно взбежала на второй этаж и отвела горничную в сторону.

– Садима, я отвезу мисс Баррет домой. Вы знаете, какая это долгая дорога. Сегодня вечером я не вернусь. Вверяю вам своих дочерей. Я пришлю кучера, когда будет нужно.

И миссис Уоткинс уехала, оставив дочерей одних в замке развратного юного лорда.

Кивок головы

Весть об отъезде маменьки сестры встретили со смесью страха и возбуждения. И стали советоваться между собой: должны ли они выходить из комнаты? Подадут ли им ужин? О чем за ужином говорить? А главное, какой он, этот самый лорд Хендерсон?

Садима слушала их, убирая гребни. И, поскольку она никогда не упускала случая поднажить украдкой своих хозяек, сказала громко: «Интересно, а не висит ли где-нибудь его портрет?»

Девушки переглянулись. Маргарет, чувствуя себя старшей, заявила: «Полноте, на что это будет похоже, если мы станем рыскать по замку? Что за глупость!»

Через несколько секунд они шли по коридору на цыпочках одна за другой, как три мышки, и с трудом сдерживались, чтобы не прыснуть со смеху.

Но вскоре им стало не до смеха. Освещенный коридор кончился, а дальше все было в сумраке. Солнце закатилось. От тишины и стелющихся по полу мрачных теней девушки оробели и поспешили отступить к гостевым комнатам. Они вернулись ни с чем, только разволновались еще сильнее.

Три сестры вздрогнули, когда удар гонга возвестил, что ужин подан. По лестнице спускались вместе, держась друг за дружку, готовые сбегать в любую секунду, если у лорда Хендерсона вдруг окажутся острые клыки или в углу рта блеснет капелька крови.

В столовой их уже дожидались приборы. Свет свечей играл на золотой посуде с гербами. Над супницей и блюдами с мясными кушаньями поднимался пар. В хрустальном графине поблескивало вино.

Садима встала в углу, неподалеку от дворецкого. Девушки тоже стояли, не зная, как им быть. Что за лорд бросает так гостей у него леди?

Наконец дверь отворилась. Три сестры разом обернулись. Вошел юноша. Девушки разглядывали его с совершенно неподобающей пристальностью.

Маргарет отметила, что лорд не переоделся к ужину: вышел в потертом домашнем халате, накинутом поверх скверно отглаженной рубашки и мятых штанов, – и в таком-то виде он принимает своих гостей, трех юных девушек! Взгляд Мэри задержался на длинных растрепанных волосах лорда и пушке на его щеках – даже не потрудился причесаться и побриться... Мэй обратила внимание на круги под глазами, впалые щеки и легкую дрожь в руках. В порыве сочувствия она решила, что лорд хворает.

Но едва покончив с первыми наблюдениями, сестры были тут же очарованы лордом. Поскольку, несмотря на честные старания предстать в наихудшем виде, он не мог скрыть ни своего высокого роста, ни широких плеч, ни ладной фигуры, правильных и приятных черт лица, высокого лба, живого взгляда, белых зубов, чувственных губ, прямого носа, волевых скул, стройных икр и т. д.

Нет, он не был идеальным красавцем вроде тех лощенных щеголей, которые забываются тут же, едва мы ими налюбujemyся! Сквозь темно-русые пряди у него трогательно торчали чуть оттопыренные уши. Он немного сутулился, и в его движениях была неуклюжесть высоких молодых людей, выросших быстро и еще к этому не привыкших.

При таком-то богатстве лорду, чтобы нравиться женскому полу, довольно было иметь пару рук и ног. Но этот утратил всякое чувство меры: он позволял себе быть еще и обаятельным.

Сестры вмиг позабыли все свои опасения.

Лорд Хендерсон поклонился. Гости ответили на приветствие и остались стоять как вкопанные. Тогда он, видимо, вспомнил об этикете – и взялся за стул. Маргарет села первой. Стол был круглый, так что о местах можно не заботиться. Дворецкий наполнил бокалы. За столом

воцарилась гнетущая тишина. Начать разговор должен был лорд Хендерсон. Но поскольку он молчал, Маргарет решилась пойти против приличий. Она представилась, представила сестер и рассказала про постигшую их неудачу. Лорд Хендерсон слушал ее с несколько скучающим видом и подытожил рассказ лаконичным: «Ну да, ну да, разумеется».

Он указал рукой на кушанья, приглашая их угощаться самим. Ужин был подан по-французски: все блюда от закусок до десерта уже стояли на столе. Маргарет тут же сообразила, что это первое испытание. И улыбнулась про себя, видя, как Мэри набросилась на говяжье жаркое и пирог. Сама же она аккуратно брала всего понемногу и ела с большим изяществом.

Манеры лорда Хендерсона повергли Мэй в растерянность. Она и не предполагала, что первый выход в свет станет для нее таким испытанием. Она и думать забыла про еду, и бульон остывал у нее в тарелке. Похоже, и у лорда аппетит был не лучше. Но главное, он оказался крайне скуп на слова. А Маргарет больше всего боялась тишины за столом: ведь тогда будет слышно, как они жуют!

Так что она вновь начала разговор, беря на себя тем самым роль хозяйки дома, что ей вовсе не было неприятно: пусть лорд Хендерсен увидит, что она умеет оживить застолье.

– Позвольте еще раз поблагодарить вас за гостеприимство, милорд, – сказала она.

Юноша ответил ей улыбкой слишком проницательной, чтобы быть искренней, и воздержался от ответа.

– Погода удивительно скверная, – продолжила Маргарет, не отчаиваясь.

Молчание.

– Пирог восхитителен, – сообщила она.

Поскольку она явно готовилась перейти к красотам столового сервиза, лорд Хендерсон повел рукой в воздухе, словно бы отметая все условности.

– Ваша мать вам все уже объяснила, верно?

Вилки замерли в воздухе. Маргарет придала лицу оскорбленное выражение. Мэри, захваченная врасплох резким переходом к делу, раскрыла рот. Мэй покраснела. Лорд Хендерсон оглядел лица сестер, терзаемых разнообразными чувствами, и вздохнул.

– В таком случае скажу я. Предпочитаю, чтобы все было предельно ясно.

Голос у него был ровный, но чуть хрипловатый, как будто он давно не говорил. Он поставил локти на стол и обхватил подбородок ладонями.

– Я намереваюсь жениться. Думаю, такое решение не принимают впопыхах. И чтобы правильно выбрать супругу, я придумал испытание.

Он откинулся на спинку стула и вновь что-то отмел рукой.

– Конечно, я мог бы предложить заинтересованным лицам примерить хрустальную туфельку или кольцо. Но мне показалось, что размер ноги или пальца – это не самое главное.

Маргарет встретила шутку вымученным смешком. Обстановка за столом немного разрядилась.

– Вы могли бы устроить бал или вечеринку в саду, – отважилась вставить Мэй.

– Такого рода увеселения наводят на меня скуку, – ответил лорд Хендерсон, – однако вы правы, я мог бы заставить себя, если бы счел нужным. Дело не в этом. Такой способ знакомства потому мне не нравится, что здесь все зависит от случая.

– Но в этом же вся прелесть! – воскликнула Мэй.

– Как это?

– То есть я хотела сказать...

Мэй потупила взгляд, смущаясь. Потом собрала с духом и выпалила:

– Прелесть в том, чтобы нечаянно толкнуть кого-то... извиниться, поднять глаза и вдруг потерять дар речи от того, как забилося сердце... Или убежать из танцевальной залы, укрыться в тенистом уголке и там наткнуться на того, кто, как мы, любит покой и уединение. Или на маскараде протанцевать весь вечер с тем, чьи движения так ладятся с нашими, а от улыбки

теплеет в груди... а затем понять, что под маской – друг детства, на которого мы и внимания не обращали!

Лорд Хендерсон выслушал ее лирические фантазии холодно.

– И часто случаются такие встречи?

– Вы правы, редко, – согласилась Мэй, – но в этом их прелесть.

Лорд Хендерсон встал, прошелся немного, склонив голову, как человек, приводящий в порядок мысли. Предмет разговора его занимал.

– Возьмем аналогию. Вы идете на берег реки в надежде найти самородок. Вам известно, насколько они редки. Как будет разумнее взяться за дело? Вы предлагаете остановиться там, куда привели вас ноги, и перевернуть пару камней в надежде, что под ними прячется золотая жила. Я же предлагаю промыть весь песок. Я сделал сито по собственной мерке, и оно поможет мне избавиться от пустой породы. Так кто из нас двоих вернее найдет свой самородок? И разве пожизненный союз не стоит таких усилий? На мой взгляд, всем нам следовало бы поступать именно так. Но мы видим, что все холостяки мира либо берут камень, о который споткнулись, либо принимают тот, который вручают им родители, а потом уверяют себя, что отыскивали сокровище.

Три сестры ловили каждое его слово. Лорд Хендерсон сел на место, несколько смущенный своей долгой речью. Желая сбить излишний пафос, он прибавил:

– Короче говоря, я не люблю полагаться на случай. Предпочитаю вместо этого мыслить стратегически. Кстати, известно ли вам, что я разработал безотказный способ поцеловать любую девушку?

От философских рассуждений лорд без предупреждения перешел к фиглярству.

– Хотите доказательств? – сказал он с плутовской улыбкой, отчего один угол рта поднялся у него выше другого.

Маргарет колебалась. Разве не будет сладостно-дерзким ответить «да»? Мэри находила предложение крайне непристойным. Мэй подозревала, что лорд шутит.

Лорд Хендерсон рассмеялся – очевидно, колеблющиеся лица девушек немало его развлекли.

– Быть может, в другой раз! – сказал он. – В конце концов, сегодня не время дурачиться. Брак – это финансовые и нравственные обязательства и потому требует серьезного подхода. Придуманное мною испытание не трудно и не опасно. Нужно лишь провести ночь в специально приготовленной для этого спальне в моем замке.

Девушки тихо ахнули на вдохе.

– Раз вы здесь, то, полагаю, ради этого испытания. Нынче вечером Филип, мой дворецкий, проведет одну из вас в ту самую спальню. Разумеется, вы можете отказаться. Ну вот. Теперь вы всё знаете.

И юный лорд откланялся, собираясь покинуть столовую. Сестры, не находя слов, тоже ответили ему поклоном.

* * *

После ужина они собрались на совет в комнате Маргарет.

– Как нам быть? – спросила Мэй.

Поскольку матери рядом не было, решать, как поступить, должны были старшие сестры.

– Я не поняла истории со спальней, – призналась Мэри. – В чем состоит испытание? Ведь мы спим не в постели лорда Хендерсона, верно?

– Верно, – подтвердила Маргарет. – Но я думаю, что в спальню ведет потайной ход, которым лорд Хендерсон может воспользоваться. Если я буду ночевать в этой спальне, то спрячу что-нибудь под подушкой, чтобы защитить себя и свою честь!

При мысли о тайном ходе Мэри нервно хихикнула. Мэй ничего не сказала, но во взгляде ее мелькнула тревога.

– Так, значит, – продолжала Мэри, – ты намерена там ночевать.

– Еще не знаю, – вздохнула Маргарет. – Но решить нужно как можно скорее, мне ведь идти первой.

– Это почему? – тут же спросила Мэри.

– А как же – я старшая!

Следующие четверть часа две старшие сестры были заняты перебранкой. Мэй пыталась их успокоить, но сама разозлилась из-за того, что ее не слушают. Ссора утихла сама собой, когда сестры поняли, что во всем согласны. Маргарет настояла на своем: первая ночь принадлежит ей по праву старшей. Мэри успела сообразить, что первые всегда набивают шишки. А так она разузнает, что творится в этой спальне, и уже не повторит ошибок сестры. Мэй же попросту не была готова. Ей хотелось посмотреть, как старшие бросятся в воду, и тогда она, может быть, решится помочить в ней пальчик.

Сестры переглянулись. Они так увлеклись вопросом, кто пойдет первой, а кто второй, что незаметно для себя решились на испытание. Теперь-то и затрепетали в животах тревожные предчувствия и глубоко запрятанные желания.

Наконец Мэй с присущей ей непосредственностью заговорила о том, о чем остальные молчали:

– Скажите, мне просто интересно... А как *это* делается?

Сестры не знали, что ответить.

Маргарет выдала выжимку своих познаний об отношениях между мужчиной и женщиной. Начала с азов: сперва нужно позволить за собой поухаживать, тайно обменяться парой нежных слов, затем подарить прядь волос и наконец разрешить называть себя по имени. Затем идут признание, благословение родителей, отсрочка в три недели после оглашения помолвки, подписание контракта, соглашение о приданом, венчание.

– А потом? В брачную ночь? Что тогда происходит? – спросила Мэй.

Маргарет вынуждена была признаться, что о дальнейшем не имеет ни малейшего понятия.

И неудивительно: не было на свете более тщательно охраняемой тайны. Матушка прополола всю домашнюю библиотеку, чтобы ни одной любовной баллады не попало невзначай дочкам в руки. И закрывала им уши, если конюх вдруг сообщал, что соседский жеребец покрыл их кобылу.

В брачную ночь по-настоящему хорошо воспитанная девушка переступала порог спальни, не подозревая, как все начнется. Ну разумеется! К чему разрушать неведение? Для супруга нет ничего очаровательнее невинных девственных испугов. Мужчины любят обсуждать между собою забавные казусы их первой брачной ночи. Самые потешные затем не раз пересказываются в мужском обществе: о той, что кинулась бежать, едва ее стали раздевать; о той, что решила, будто больна, ощутив вдруг удовольствие; или той, что позвала на помощь слуг, посчитав, что у мужа припадок.

Мэри охотно поделилась собственными соображениями. Она заметила, как поступают животные. И потому предположила, что женщине следует встать в постели на четвереньки и ждать. Видя удивление сестер от столь неизящной позы, она великодушно прибавила:

– Думаю, ночную сорочку можно оставить.

– Придумала! – сказала Мэй. – Давайте спросим у Садимы.

Маргарет с Мэри захлопали в ладоши. Несомненно, горничная лучше осведомлена о таких вещах. Тотчас же вызвали Садиму. Сестры откровенно поделились с ней своей проблемой.

– И откуда мне знать лучше вас? – воскликнула Садима. – Я не замужем. А лет, как вам известно, мне столько же, сколько Мэй.

Мэй с Садимой были молочными сестрами.

– Ну, Садима, ты же понимаешь, что мы имеем в виду... – начала Мэй.

А имела она в виду, что хоть обе они и пили молоко из одной груди, но росли в разных мирах. Мир Садимы был попроще, в том числе и по части нравов.

Горничная, подавив раздражение, ответила.

– Что я могу сказать? Да, мне приходится видеться с кучерами и мальчишками из конюшни. И не всегда они ведут себя по-джентльменски. Порой позволяют себе дерзкое словцо, а то и руки распускают. Бывает, что и со мной. Но мой кулак тут же отбивает у них всякую охоту. Вот все, что мне пока известно.

Сестры вздрогнули при упоминании столь ужасных манер. И порадовались, что мужчины их круга донимают их лишь комплиментами и букетами. Или, в порядке исключения, странными испытаниями вроде ночи в особой постели.

– Ясно, Садима, сама ты ничего не делала... но ты же видела, правда? – не отступалась Мэй.

Она представляла жизнь слуг так: одна огромная кровать на все семейство, на кухне общая лохань для мытья, и дети видят все с молодых ногтей. Садима сжала кулаки.

– Мне просто интересно, – продолжала Мэй, не замечая раздражения горничной, – как мужчина выглядит там. Внизу.

Она неопределенно указала на пояс. Старшие сестры с любопытством придвинулись.

Садима вдохнула поглубже. Затем открыла глаза и улыбнулась. Глаза у нее были черны от злости.

– Ах это, мисс? Ну, разумеется, тут я могу вас просветить! – сказала она фальшиво-веселым тоном.

И зашептала, держа ладонь у рта:

– Представьте себе, он длиной со спицу и весь мохнатый, от кончика до основания. Точь-в-точь как кошачий хвост, понимаете?

Девушки кивнули. Мэй подумала про сэра Сера, ангорского кота, который был у нее в детстве. Она вспомнила, как ей нравилось тянуть и гладить его длинный пушистый хвост, и решила, что, верно, оценит ночные часы с будущим мужем. Сестер ее это сообщение тоже как будто подбодрило.

Так что Маргарет храбро расправила плечи. Ее причесали, надушили. Затем она надела тончайшую ночную сорочку из батиста, целомудренно прикрыв ее домашним халатом. Будто догадавшись, что его ждут, в дверь постучал дворецкий. Маргарет последовала за ним. Она удалялась по коридору, чтобы провести ночь в таинственной спальне.

Поджатые губы и злые языки

Сестры Уоткинс не имели привычки вставать рано. Однако на следующее утро Мэй спустилась в столовую с первыми лучами солнца. Мэри уже сидела за столом. Мэй машинально помешивала овсянку. Мэри то и дело поглядывала на часы. Обе ждали старшую сестру.

Открылась дверь. Лорд Хендерсон поздоровался и сел на свой стул, не обращая внимания на сверлящие взгляды девушек.

Наконец в столовую вошла Маргарет. Сестры пристально вгляделись в нее.

Вся она была вытянута по вертикали: высокий лоб, гордо задранный нос, прямая спина, длинная шея. На лице легкая угрюмость. Словом, сестра как сестра – та самая, с которой они простились накануне.

Лорд Хендерсон разглядывал чай в своей чашке. Когда вошла Маргарет, он, казалось, впервые заинтересовался юной девушкой, гостившей у него в доме. И спросил с непривычным нажимом: «Хорошо ли вы спали?»

Мэй и Мэри почувствовали: от ответа на этот невинный с виду вопрос зависит итог испытания.

Маргарет опустилась на стул. Налила себе чаю.

– Сожалею, милорд, но спала я довольно плохо, – сказала она наконец. – Кровать уступала в удобстве привычной моей постели, а мне не посчастливилось быть крайне нежного склада.

Мэри закатила глаза. Даже на райском облаке, под периной из ангельских перьев, Маргарет станет сетовать на неудобную постель.

– Крайне жаль это слышать, – ответил лорд Хендерсон. – Трудно вам, должно быть, живется, если вы изнежены так, как говорите. К счастью для вас, вы скоро вернетесь в свою, удобную, спальню.

Маргарет вспыхнула от гнева: замечание лорда в учтивой форме сообщало, что испытания она не прошла. Ей потребовалась вся ее выдержка, чтобы вежливо кивнуть в ответ. Лорд Хендерсон залпом допил чай и вышел.

Едва за ним закрылась дверь, как Мэри и Мэй засыпали сестру вопросами. Но просчитались. Все еще в бешенстве и растерянности от своего провала, она не сказала ни слова.

Сославшись на недомогание, Маргарет вернулась к себе в комнату, задернула шторы и отказалась от любого общества. Предоставленные себе Мэри и Мэй, желая заглушить тревогу, вышли прогуляться в сад вместе с горничной.

Если главная аллея перед замком огорчала запущенностью, то прятавшийся за главным крылом парк пленял очарованием. Все росло здесь без особого порядка, но в гармонии с излучинами ручья и чуть холмистыми лужайками. Садовник лорда Хендерсона знал свое дело, потому как тюльпаны здесь уже зацвели. Клумбы в стежках цветов напоминали ковры.

Девушки в восторге побежали по извилистым зеленым аллеям. Мэри вскрикнула от изумления и показала Мэй золотую статую в виде дерева, совсем как настоящего. Сестры подошли поближе. Тонкие веточки гнулись, золотые листья дрожали от ветра. Казалось, дерево живое. Может, садовник покрыл настоящее золотой пудрой?

– Что ты говоришь, Садима? – спросила Мэй, услышав, как служанка у нее за спиной бормочет.

– Тут что-то не так, мисс, – ответила она. – В этом замке все как-то неправильно.

Сестры усмехнулись наивности их горничной. Садима упрямо покачала головой.

– И все-таки... Вот, например, видели ли вы здесь хотя бы одного слугу, кроме дворецкого? Как такое может быть? – спросила она.

Девушки привыкли, что их обслуживают, причесывают, моют, одевают, обувают и обогревают, и, по правде говоря, не замечали суетящуюся вокруг прислугу. Садима рассказала,

что хотела пойти на кухню, чтобы познакомиться с другими слугами, но только пробуждала по анфиладам пустых комнат, пока дворецкий не спровадил ее назад к хозяйкам.

– Садима! Это лишь доказывает, что прислуга здесь образцовая! Ах, как бы я хотела жить в этом замке! – воскликнула Мэй, и сестра ее кивнула с завистливым вздохом.

Они пошли обратно к усадьбе, и вдруг горничная тихонько их остановила. Они посмотрели, куда та указывает, и увидели вдали лорда Хендерсона. Юноша стоял у западного крыла в очень странной позе: уткнувшись лицом в стену.

– Может, нам следует подойти и поприветствовать его? – спросила Мэри.

– Или помочь ему? – прибавила Мэй.

Но, пока они огибали купу деревьев, юноша исчез.

Вечером ни лорд, ни Маргарет не спустились в столовую. Сестры ужинали вдвоем. После ужина Садима помогла Мэри подготовиться. На этот раз, когда пришел дворецкий, она проводила госпожу до таинственной комнаты. Когда Мэри вошла, Садима заглянула внутрь и успела заметить очень странную кровать. Непомерно высокую.

Следующим утром Мэй снова спустилась на завтрак чуть свет. Вскоре к ней присоединилась Маргарет с непроницаемым видом. Они сидели и ждали. Вошел лорд Хендерсон, бесцеремонно утопив приветствие в зевке.

Минуло уже десять, когда наконец появилась Мэри, вся розовая и улыбающаяся. Лорд Хендерсон тут же спросил:

– Хорошо ли вы спали?

Улыбка Мэри сделалась еще шире.

– Милорд, честное слово, это была лучшая ночь за всю мою жизнь.

Раз сестра ее, привередничая, провалила испытание, Мэри выбрала противоположный подход.

– Рад это слышать, – ответил лорд Хендерсон, – Вижу, отдых придал вам сил. Тем легче вам покажется дорога домой.

Выходит, Мэри тоже дали отставку. Она не смогла сдержать слез. И выбежала из залы, провожаемая удовлетворенным взглядом Маргарет и скучающим – лорда Хендерсона. Мэй в тревоге поникла: нынче ночью наступит ее черед.

Юная Мэй провела ужасный день. Маргарет рассталась со своим оскорбленным молчанием. Не молчала и Мэри. Общая обида объединила их, а главное, обеим была невыносима мысль, что их младшая, третьего дня впервые вышедшая в свет, может их обойти. Всю вторую половину дня они шептались, поглядывая на сестренку, и посмеивались. Одна начинала, другая подхватывала:

– А в десять минут первого, помнишь?

– Боже, да! Такой ужас!

– Мэй точно не продержится всю ночь, она, бедняжка, такая хрупкая...

И младшая сестра дрожала, думая о том, что ее ждет.

Она до того истерзалась, что незадолго до чая вызвала Садиму.

– Я отправляюсь домой, – сказала она. – Уложи мои вещи, пожалуйста.

Горничная хорошо знала свою хозяйку. Мать Садимы была кормилицей у Уоткинсов. Свою дочь она вскармливала вместе с Мэй, родившейся на пару недель позже, и первые годы растила их обеих. Но затем каждая заняла положенное ей место. Однако из-за молока, которое они делили, из-за общих детских воспоминаний между девушками сохранялась некоторая непринужденная близость. Садима прочла в глазах Мэй страх. И знала по опыту, что уговаривать ее бесполезно.

– Хорошо, мисс, – сказала она. – Мы отправляемся прямо сейчас? Пешком?

– Если нужно, пойдем через лес, да. Я больше ни минуты здесь не останусь.

– Вы правы, мисс. Эх! То-то ваши сестры обрадуются!

Мэй положила шляпную коробку.

– Что ты хочешь сказать?

– Они ревнуют, – продолжала Садима, складывая ночную сорочку. – Боятся, как бы вы не прошли испытание, в отличие от них.

– Я и шагу не ступлю в сторону этой спальни, – заявила Мэй.

– И правильно, мисс. Так благоразумнее, тем более что вы не знаете, что там в ней.

Мэй снова замерла.

– Садима, может, хватит твоих уловок? К чему ты все это говоришь?

Садима улыбнулась.

– К тому, мисс, что нет причин ждать ночи для того, чтобы наведаться в эту спальню.

– О! – воскликнула Мэй и прикрыла рот рукой. Пойти самим в таинственную комнату было крайней дерзостью! А что, если их увидят?

– Ваши вещи готовы, – сказала Садима. – Отправляемся?

Мэй расправила плечи и объявила:

– Пойдем посмотрим, что это за спальня.

Садима поклонилась, чтобы скрыть улыбку.

В коридорах, как и в прежние дни, не было ни души. Мэй шла за Садимой. Но когда та повернула на лестницу, ведущую наверх, удивилась:

– Куда ты? Спальня в конце коридора, совершенно точно.

– Да, мисс, – согласилась Садима, продолжая подниматься, – в конце коридора. Только дверь в нее заперта.

Когда они поднялись наверх, Садима объяснила шепотом:

– В спальне одно окно, оно смотрит на запад. Стена там совершенно гладкая, залезть по ней невозможно.

– Садима, так ты успела весь замок обрыскать? Не понимаю, что ты такое говоришь. Если спальня закрыта на ключ, что мы делаем на другом этаже?

– Вчера вечером я провожала мисс Мэри, и мне удалось заглянуть внутрь. Ничего необычного я не увидела, если не считать удивительной кровати. Очень высокой.

– Как это – очень высокой?

– Не знаю. Будто дюжина матрасов один на другом.

– Какая глупость!

– А может, наоборот, – ответила Садима.

И зашептала еще тише:

– Через окно в комнату не войти, как я уже сказала. Однако, возможно, в потолке есть люк. И если милорд рассчитывает присоединиться к вам этой ночью, спустившись с потолка, то, чтобы не убиться при падении... Словом, лучше, если кровать будет повыше.

Мэй тихонько вскрикнула. Прижав ладонь к сердцу, она проследовала за Садимой.

Девушки прошли по коридору до последней двери.

– Вот, – сказала Садима. – Если не ошибаюсь, эта комната как раз над таинственной спальней.

– Будем надеяться, она не заперта на ключ.

Садима взялась за ручку и повернула. Дверь открылась. Мэй тут же подошла к лежащему посередине комнаты коврику и приподняла его. Обычный пол. С какого бы конца они ни заглядывали под ковер, люка под ним не было. Садима из упорства решила простучать каждую плитку на полу. Все звучало одинаково глухо.

Комната была довольно простой, почти без мебели. Только на камине стояла безделушка – маленькая шкатулка в форме яйца.

Раздосадованная Мэй хотела как можно скорее убежать, пока их здесь не застали. Но Садима продолжала поиски, рассуждая вслух.

– Очень странный замок, не правда ли, мисс? – говорила она, но, похоже, больше себе самой.

– Не знаю, о чем ты, Садима. Идем скорее.

– А вы заметили, что здесь никогда не бывает холодно? Вечером всегда приятная теплота, однако я ни разу не видела огня в каминах.

Мэй пожала плечами. Садима всё простукивала стены, ища тайный ход. И вдруг отпрянула. Снова медленно подошла к стене и приложила к ней ладонь. Когда же отняла руку, в голосе у нее звучало беспокойство.

– Стены теплые, – сказала она.

– И что такого? – спросила Мэй. – Сегодня было прекрасное солнце.

– Только с утра. Потом небо затянуло.

– Да, конечно, и что? Солнечные лучи нагревают стены, разве нет?

Девушки из хороших семей мало интересовались вопросами геотермии и тепловых свойств стен, так что познания Мэй в этой области были поверхностны.

Вдруг Садима вздрогнула и вцепилась ей в локоть.

– Кошка! – проговорила она быстро и тихо. – Она на нас смотрит.

Мэй обернулась. Действительно, красивая темно-рыжая кошка не сводила с них немигающих глаз.

– Перестань, Садима! – сказала Мэй и тряхнула рукой, которую горничная так и не выпустила. – Кошка и кошка.

– Но у нее такой взгляд... Он не кажется вам грозным?

– Ты боишься кошек?

– Разумеется, нет, – ответила Садима, которая любила охотиться на кабана и ловко давила крыс каблуком, – но эта...

– Кончай свои глупости. Все это нас не...

– Вам что-нибудь нужно, леди? – послышался позади них голос.

Мэй с Садимой вздрогнули.

В дверях стоял лорд Хендерсон.

– Я... Нет... Мы... То есть...

Мэй была в таком смятении, что лорд Хендерсон шагнул к ней и тронул за руку. От его прикосновения Мэй едва не лишилась чувств окончательно. Опасаясь, как бы она не упала, молодой человек помог ей взять себя под руку.

– Замок большой, – сказал он мягко, будто говорил с неосторожной маленькой девочкой. – Советую вам оставаться в той его части, что предназначена для гостей.

Мэй покорно кивнула.

– Чай уже подали, – прибавил лорд Хендерсон. – Пойдемте. У вас усталый вид, я распожусь, чтобы вам предложили чего-нибудь укрепляющего.

Мэй дала лорду увести себя, вся розовая от такого неожиданного внимания. За ними шла поникшая Садима. Время от времени она поглядывала через плечо, не преследует ли их кошка.

Маргарет и Мэри были уже в столовой. Они ничего еще не успели съесть, однако тут же лишились аппетита: вид Мэй под руку с лордом Хендерсоном явно пришелся им не по вкусу.

За столом они состязались в мелких гадостях.

– А помнишь, – говорила одна, – как Мэй порвала юбку, выходя из берлины?

– Боже! От пояса до подола! Нижняя юбка – всем на обозрение! – подхватывала другая. – А когда Мэй впервые пришла в гости к Барретам? Она сделала реверанс дворецкому, решив, что это мистер Баррет!

– Как же мы тогда смеялись!

Мэй, уткнувшись носом в чашку, надеялась, что им скоро надоест. Лорд Хендерсон, казалось, едва их слушал.

Вечером Садима заботливо нарядила Мэй. Она выбрала для нее ночную сорочку с вырезом, открывавшим плечи. Шею с хрупкими ключицами украсила ожерельем с рубиновыми подвесками. Прозрачные камни отливали темно-красным, словно кропя белую кожу каплями крови.

Волосы Мэй Садима забрала высоко над затылком, открыв трогательные изгибы ушных раковин. В мягкую и нежную мочку она вонзила острый шип серьги. Когда металл вошел в ее плоть, Мэй тихонько вскрикнула от боли и удовольствия. Они взглянули друг на друга в зеркале. Ухо Мэй украшала кровавая рубиновая капля.

Мэй обернулась.

– Я красивая? – спросила она.

Садима расслышала в вопросе тайное беспокойство юной девушки.

– Вы красивая, очень красивая, красивая, как пурпурная раковина, – проговорила она успокоительно. – Красивее ваших сестер. И лучшая, чем они, дочь.

– Сегодня я пойду в ту спальню, да?

Мэй подняла на Садиму огромные испуганные глаза – лань, попавшая в западню, – она уже не могла противиться обаянию лорда, который только что вел ее под руку. Садима погладила ее по голове. Мэй разрыдалась.

– Мне так страшно! Если б ты знала! – проговорила она между всхлипов.

– Ну, будет, мисс, будет... Чего именно вы боитесь?

– Того, что не знаю, что там случится... что покажусь смешной... ошибусь, наделаю глупостей... Или даже, – прибавила она на одном дыхании, – что меня обидят, сделают больно...

Садима взяла Мэй за подбородок и приподняла ее голову.

– Смешной быть не смертельно. И, говоря по правде, опасности, на мой взгляд, никакой. Посмотрите на сестер: поутру они явились бодрые и свежие, как будто в спальне ровно ничего не случилось.

– Но в чем же тогда испытание? Не понимаю! – вскрикнула Мэй.

– Узнать это можно только одним способом.

И, пользуясь их детским «ты», Садима прибавила:

– Мэй, ты пойдешь туда, и все будет прекрасно. Разве тебе не любопытно? Иначе будешь жалеть всю свою жизнь, что не решилась на это странное испытание, так ведь? Да и вообще, нельзя позволять Маргарет и Мэри так с тобой обходиться.

Мэй поддалась мягко-повелительному голосу Садимы. А горничная подала ей халат и подвела к двери. Но на пороге Мэй оцепенела от вновь нахлынувшего страха.

– Пойди вместо меня! – воскликнула она, в последнем порыве сбежать от неизвестности. – В темноте кто заметит разницу? Ты оденешься как я, и все.

Искушение кольнуло Садиму. Ей очень хотелось понять суть странного испытания. Но искра эта вспыхнула и погасла. Садима вспомнила свое место. Горничная – и на шелковых простынях!

– Мы так мало похожи, – сказала она с досадой.

Мэй прижалась к ней в отчаянии. Садима усадила ее на диван, обняла и стала качать как маленькую. Мэй напоминала ей перламутровую раковину. Изящество, хрупкость, прозрачность. Каждая косточка выточена так тонко – ключицы, бедро, желобок позвоночника. Глаза Мэй блеснули, туманясь от непреходящего жара, а влажные ресницы, казалось, покрыты лаком. Уши просвечивали розовым.

В маленькое светящееся ушко Садима нашептывала о ясной, лучезарной красоте Мэй. Воспевала ее светлоту долго и неспешно. Мэй позволяла себя баюкать. Мало-помалу монотонные ласковые слова горничной успокоили ее. Мэй набралась решимости и встала.

В тот же миг с уместностью, делающей честь его опытности, в дверь постучал дворецкий. Младшая сестра ушла ночевать в загадочную спальню.

С ног на голову

Снова утро, и снова две сестры Уоткинс спускаются к завтраку на заре. Садима тоже с ними, и ей тревожно от мысли, что накануне она подтолкнула свою хозяйку пойти в роковую спальню.

Дверь открылась. Вошла Мэй.

Бессонная ночь оставила на лице отпечаток: под глазами круги, веки тяжелые, щеки впалые. Садима усадила ее, налила чаю, тревожась все больше. Маргарет и Мэри терялись в догадках.

В дверь заглянул лорд Хендерсон. Даже не потрудившись войти, он задал все тот же вопрос: «Хорошо ли вы спали?» Казалось, он спешит вернуться к другим заботам.

Мэй не ответила. Она сидела, все так же опустив голову и сцепив на коленях руки. Лорд Хендерсон подошел к ней и повторил вопрос. Поскольку она сидела молча, он присел перед ней и участливо взгляделся в ее измученное лицо.

Мэй опустила глаза на лорда и негромко сказала, потому что была смелой девочкой:

– Нет, милорд, спала я нехорошо. И винить могу только себя. Ночь я провела в тревоге, пытаюсь понять, в чем же состоит испытание, которому вы нас подвергаете. Я смотрела во все глаза, слушала во все уши, ожидая, что же на меня обрушится. Милорд, мне кажется, спутницу жизни выбирают не так. О! Я в этом мало что понимаю. Но никого так не мучают понапрасну. Если взять на себя смелость говорить за девушек, таких, как я, простых и бесхитростных, то, по-моему, вам следует бросить это ребячество и честно искать подходящую супругу, глядя на манеры, вкусы и личность девушек, а не устраивать этот странный розыгрыш, от которого я так извелась.

Мэй распрямилась, сама удивляясь своей смелой речи.

Лорд Хендерсон обдумал ее слова. Лицо его озарилось искренней улыбкой, какой он еще ни разу не улыбался за это время.

– Спасибо за вашу откровенность и прямоту. Это чудесные качества, и я уверен, что вы найдете себе в мужья такого же хорошего человека, как вы сами, и осчастливите друг друга.

Улыбка его померкла.

– Что же до меня, позвольте мне продолжать мое ребячество. Я, к сожалению, не отличаюсь прямоотой и не вполне откровенен. Мы с вами, очевидно, не смогли бы поладить.

– Понимаю, – сказала Мэй. – В таком случае нам остается поблагодарить вас за гостеприимство и отправиться в путь.

– Уже? – удивился лорд Хендерсон. – Мне казалось, остается еще одна ночь.

Сестры переглянулись. Каждая из них провалила испытание. В замке им больше нечего делать. Лорд Хендерсон пожал плечами:

– Мой порог переступили четыре незамужние девушки, если не ошибаюсь. И, само собой, все они приглашаются пройти испытание.

На этом лорд вышел.

Сестры Уоткинс сидели в недоумении. Вдруг младшая прикрыла рот рукой и указала пальцем на горничную. Маргарет и Мэри повернули головы к Садиме и расхохотались. Какой он все-таки чужак, этот лорд Хендерсон! Неужели он всерьез думает, что Садима тоже собирается испытать судьбу! Что может выйти за него замуж!

Садим была застигнута врасплох. Она неловко засмеялась.

– Ну всё, пора, отправляемся, – сказала наконец Маргарет. – Садима, собери вещи.

Та поспешно отправилась исполнять приказ, радуясь предлогу убежать из столовой.

Вскоре вернулся кучер с берлиной. Снова шел дождь. Садима помогла всем разместиться в карете. Дворецкий вручил горничной прекрасные платья, которые сестры носили в замке, упаковав их, – подарок лорда Хендерсона. Пышные юбки заняли чуть ли не половину кареты.

– Платьям будет лучше здесь, под крышей, а иначе дождь их попортит, – сказала Садима, укладывая сверток на то место, где сидела сама по дороге в замок. – Я поеду впереди, рядом с кучером.

Старшие сестры посчитали вполне естественным, что горничная проведет весь долгий путь на ветру и под ливнем ради их чудесных нарядов. Мэй поблагодарила Садиму и протянула ей шаль.

Садима закрыла дверцу берлины. Она подошла к кучеру, но не взялась за руку, которую он протянул, чтобы помочь ей взобраться на козлы.

– Тим, я пока не еду, – сказала она.

– Как это? А госпожа что скажет?

– Ничего, если ты мне поможешь, – сказала Садима. – Поезжай тихонько, чтобы приехать как можно позже. У крыльца помоги барышням выйти из кареты. Если спросят, где я, скажи, что вымокла и побежала переодеться, чтобы не захворать. Но вообще-то госпожа выскочит из дома, как только ты въедешь в ворота, и сразу бросится расспрашивать дочерей. Меня никто не хватится.

– С чего бы мне помогать тебе? И на кой тебе в замке оставаться? Признайся, голубка, небось поваренок здешний приглянулся?

Вопрос сопровождался лакомым взглядом, каким кучер обвел стройную девичью фигуру. Садима не смутилась: не он первый. Больше того: она повела бедрами и улыбнулась игривой улыбкой, весьма идущей к случаю. Пусть попробует устоять! Кучер тут же угодил в ловушку. В этом легком кокетстве он прочел все, что ему приятно было вообразить.

– Я сумею тебя отблагодарить, – прибавила Садима, чтобы быть уверенной, что он выполнит ее поручение как следует.

Кучер тронул лошадей, уже представляя, как славно проведет он время со стройной и легкой в известном смысле девчушкой. Садима отвернулась. Еще один из тех, кто прибежит к ней, спуская на ходу штаны, и получит от ворот поворот. А если будет слишком настойчив, познакомится с ее ружьем.

Садиме не раз приходилось проделывать этот трюк, когда она просила об одолжении. Казалось бы, мужскому населению усадьбы давно пора перестать клевать на эту удочку. Но нет! Они верили, что на этот-то раз она говорит всерьез.

День тянулся медленно. Садима томилась ожиданием, бродила по парку, стараясь заглушить волнение, возвращалась в усадьбу и снова ждала. Три ночи прошло, а тайна спальни так и осталась тайной. Конечно, ее мучило любопытство. И, возможно, крохотная, зарытая глубоко-преглубоко надежда, что удастся пройти это странное испытание... Ей, какой-то горничной! Но прорасти ничтожному зернышку она не давала.

Перед ужином Садима задумалась, как ей одеться. Снять ли передник? Сделать ли прическу?

Если Мэй была прекрасна как день, то Садима – прекрасна как ночь. Ее матери взбрело в голову влюбиться в египтянина, который поначалу служил лакеем у одного маркиза, поскольку иметь заморских слуг тогда считалось верхом изысканности. Египтянину надоело воплощать собой модные веяния, и он подыскал место по своему вкусу: стал егерем у мистера Уоткинса. Там-то он и встретил молоденькую няню Маргарет и вскоре женился на ней. Несколькими годами позже родилась Садима.

Обыкновенно Садима низко опускала голову. Прячала лоб под белым чепцом, стан – под безупречно отглаженным передником. Но несмотря на честные старания выглядеть скромно, она не могла скрыть ни округлых бедер, ни ладной фигуры, ни миловидной смуглости, ни

приятных черт, янтарных скул, округлого носа, больших глаз, широкого лба, плавных плеч, выющихся волос, крепких икр и т. д.

Ничто в ней не соответствовало моде, а мода была на тонких полупрозрачных блондинок. За ее сочными алыми губами блестели белые зубы с двумя восхитительно острыми клыками. Большие черные глаза под густыми бровями и темно-охряными веками, затененные бахромой ресниц, и с вечными кругами под ними, смотрели бездонным взглядом ведьмы.

Садима имела порок – незаурядность, что со стороны горничной довольно оскорбительно. Она лавировала между осуждающими и вождедующими взглядами, стараясь быть как можно незаметнее. Следуя этому завету, она решила, что явится на ужин в своем повседневном платье.

Прозвучал гонг. Она спустилась в столовую. Тревога разрасталась. Чтобы успокоиться, она повторяла про себя придуманную ею присказку.

Садима их часто придумывала. Она медленно дышала, позволяя словам колыхаться в голове. Потом они слипались в строчку, которую Садима чеканила до тех пор, пока ее ритм не становился ритмом ее тела, помогая ему. Например, зимними утрами, когда нужно было откинуть одеяло и бросить вызов морозному воздуху, она десять раз произносила одну и ту же отрывистую фразу, готовя под нее тело, душу и мышцы для борьбы с холодом.

В столовой, чтобы заглушить волнение, Садима повторяла про себя:

«Не дрожи! – гнусаivit дрозд. – Мы в тиши, дни хороши».

Слова, повторенные много раз, в конце концов успокоили ее.

Дверь открылась.

Вошел дворецкий. Он отодвинул для Садимы стул, и она, смущаясь, села. Только тогда она заметила, что на столе один прибор. Да, глупо было думать, будто лорд спустится, чтобы поужинать с ней. Для приличия она положила себе на тарелку кусочек, но есть не могла.

Садима попробовала поговорить с Филипом, что было довольно неловко, поскольку она сидела за столом, а он стоял у дверей. Куда проще было бы заговорить с ним на кухне, среди других слуг. Но Садиме все больше казалось, что в замке нет никакой прислуги, кроме этого молчаливого старика, который не ответил ни на одну ее реплику.

Она быстро вышла из столовой. Час был ранний, но она не могла больше ждать. Не раздеваясь, она направилась в тот самый коридор. Дворецкий проводил ее до злополучной спальни в самом его конце. Садима переступила порог. Дверь за ней закрылась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.